

"Детство в Архангельске"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

ШЕРГИН

Борис Викторович

Детство в Архангельске

Мама была родом из Соломбалы. У деда Ивана Михайловича шили паруса на корабельной верфи. В мастерскую заходили моряки. Здесь увидел молоденькую Анну Ивановну бравый мурманский штурман, будущий мой отец.

Поговорить, даже познакомиться было не так. Молоденькая Ивановна не любила ни в гости, ни на гулянья. В будни посиживала за работой, в праздники – с толстой поморской книгой у того же окна.

Насколько Аннушка была домоседлива и скромна, настолько замужняя ее сестра – модница и любительница ходить по гостям. Возвратясь однажды с вечера, рассказывает:

- Лансье сегодня танцевала с некоторым мурманским штурманом. Борода русая, круговая, волосы на прямой пробор. Щеголь...

- Машка, ты это к чему?

- К тому, что он каждое слово Анной Ивановной закроет...

- Я вот скажу отцу, посадит он тебя парусину дратвой штопать... В другой раз не придешь ко мне с такими разговорами.

Вскоро деда навещал знакомый капитан, зашел проститься к дочери хозяина и подает ей конверт.

- Дозвольте по секрету, Анна Ивановна: изображенное в конверте лицо, приятель мой, мурманский штурман, уходит на днях в опасное плавание и...

Молоденькая Ивановна вспыхнула и бросила конверт на пол.

Никакими секретами, никакими конвертами не интересуюсь...

Капитан сконфузился и убежал. Разгневанная Ивановна швырнула было пакет ему вслед, потом вынула фотографию, поставила перед собою на стол и до вечера смотрела и шила, смотрела и думала.

Прошло лето, кончилась навигация. По случаю праздничного дня дедушка с дочкой сидели за чтением. В палисаднике под окном скрипнула калитка, кто-то вошел.

Молоденькая Ивановна взглянула, да и замерла. И вошедший – тот самый мурманский штурман – приподнял фуражку и очей с девицы не сводит...

Но и дед не слепой, приоткрыл раму:

- Что ходите тут?

- Малину беру...

А уж о Покрове... Снег идет.

Старик к дочери:

- Аннушка, что плачешь?

- Ох, зачем я посмотрела!..

- Аннушка, люди-то говорят - ты надобна ему...

Вот дед с мурманским штурманом домами познакомились. Штурман стал с визитами ходить. Однажды застал Анну Ивановну одну. Поглядели "лица миньютюры "Винограда российского", писанного некогда в Выгореции...

Помолчали, гость вздохнул:

- Вы все с книгой, Анна Ивановна... Вероятно, замуж не собираетесь?..

- Ни за царя, ни за князя не пойду!

Гость упавшим голосом:

- Аннушка, а за меня пошла бы?

Она шепотом:

- За тебя нельзя отказаться...

В Архангельском городе было у отца домишко подле Немецкой слободы, близко реки.

Комнатки в доме были маленькие, низенькие, будто каютки: окошечки коротенькие, полы желтенькие, столы, двери расписаны травами. По наблюдникам синяя норвежская посуда. По стенам на полочках корабельные модели оснащены. С потолков птички растопорщились деревянные - отцово же мастерство.

Первые годы замужества мама от отца не отставала, с ним в море ходила, потом хозяйство стало дома задерживать и дети.

У нас в Архангельске до году ребят на карточку не снимали, даже срисовывать не давали, и, пуще всего, зеркало младенцу не показывали.

Потому, верно, я себя до году и не помню. А годовалого меня увековечили. Такое чудышко толстоголовое в альбоме сидит, вроде гири на прилавке.

Я у матери на коленях любил засыпать. Она поет:

Баю, бай да люли!

Спи-ка, усни

Да большой вырастай,

На оленя гонец,

На тетеру стрелец...

Бай, бай да люли!

Ты на елке тетерку имай,

На озерке гагарку стреляй,

Еще на море уточку,
На песочке лебедушку.

Мама на народе не пела песен, а дома или куда в лодке одна поедет – все поет.

Годов-то трех сыплю, бывало, по двору. Запнусь и ляпнусь в песок. Встану, осмотрюсь... Если кто видит, рев подыму на всю улицу: пусть знают, что человек страдает. А если нет никого, молча домой уберусь.

Отец у меня всю навигацию в море ходил. Радуюсь, когда дома. Сестренка к отцу спрячется под пиджак, кричит:

- Вот, мамушка, у тебя и нету деушки, я ведь папина!

- Ну дак что, я тебе и платьев шить не буду.

- Я сама нашью, модных.

Сестрица шить любила. Ей дадут готовую рубашонку и нитку без узла. Она этой ниткой весь день шьет. Иногда ворот у рубашки наглухо зашьет.

Отец нам про море пел и говорил. Возьмет меня на руку, сестру на другую, ходит по горнице, поет:

Корабли у нас будут сосновы,
Нашосточки, лавочки еловы,
Весельшки яровые,
Гребцы – молодцы удалые.

Он поживет с нами немножко и в море сторопится. Если на пароходе уходит, поведет меня в машинное отделение.

Я раз спросил:

- Папа, машина-то, она самородна?

Машины любил смотреть, только гулко, громоносного свиста отправляющегося в океан парохода я, маленький, боялся, ревел. До свистка выгрузят меня подальше на берег. Я оттуда колпачком машу.

Осенью, когда в море наступят дни гнева и мрака и об отце вестей долго нет, не знала мама покоя ни днем, ни ночью. Выбежит наутро, смотрит к северу, на ответ только чайки вопят к непогоде.

Вечером заповорачиваются на крыше флюгера, заплачет в трубе норд-вест.

Мама охватит нас руками:

- Ох, деточки! Что на море-то делается... Папа у нас там!

Я утешаю:

- Мамушка, я как вырасту, дальше Соломбалы не пойду в море.

А Соломбала - часть того же Архангельска, только на островах.

Не одна наша мама печалилась. При конце навигации сидят где-нибудь, хоть на именинах, жены и матери моряков. Чуть начнут рамы подрагивать от морского ветра, сразу эти гости поблекнут, перестанут ложечки побрякивать, стыннут чашки.

Хозяйка ободряет:

- Полноте! Сама сейчас бегала флюгера смотреть. Поветерь дует вашим-то. Скорополучно домой ждите. Зимой отец на берегу, у матери сердце на месте.

В листопад придут в город кемские поморы, покроют реку кораблями.

Утром, не успеет кошка умыться, к нам гости наехали. Однажды ждали в гости почтенного капитана, у которого было прозвище Мошкарь. У нас все прозвища придумывают, в глаза никогда не назовут, а по-за глаз дразнят.

Мама с отцом шутя и помянули: "Вот уж Мошкарь приедет..." Гость приехал и мне игрушку подарил. Я с подарком у него в коленях бегаю, говорю:

- Я тебя люблю. Тебя можно всяко назвать. Можно дядей, можно дядюшкой. Можно Мошкарем, можно Мошкариком...

Ребачьим делом я не раз впросак попадался из-за этих несчастных прозвищ.

Годов пяти от роду видел я чью-то свадьбу. Меня угостили конфетами, и все это мне понравилось.

На нашей улице был дом богача Варгасова, которого за глаза прозывали Варгас. Я думал, это его имя. Вот на другой день после моей гостьбы вижу, что он едет мимо на лошади. Я кричу из окна:

- Варгас, стой-ко, стой!

Он лошадь остановил, ждет, недоумекает...

Я выбежал за ворота.

- Варгас, вы, пожалуйста, вашу Елену Варгасовну никому замуж не отдавайте. Я маму спрошусь, сам Еленку-то приду сватать...

А Елене Варгасовой год ли, полтора ли от роду еще...

Помоложе Варгасовны была у нас с сестрой симпатия, Ульяна Баженина. Ряд лет жили мы в деревне Уйме, где зимовали мурманские пароходы. Понравилось нам с сестрой нянчить соседскую дочку, шестимесячную Ульянку. Ульянкина зыбка висела на хорошей пружине. Мы дернем вниз да отпустим, дернем вниз да отпустим. Ульянка рывкнет да вверх летит, рывкнет да вверх летит. Из люльки девка не выпадет, только вся девка вверх тормашками, где нога, где окутка, где пеленка... Няньки-то были, вишь, немножко постарше Ульянки.

Весной по деревне проходили странники. А взрослых часто нет дома.

Соберется нас, малышей, в большой Ульяниной избе много, посидим и испугаемся, что

странники придут нас есть. Вот и выставим к двери лопаты да ухваты – странников убивать. А чуть привидится что черное, летим кто под лавку, кто в подпечек, кто в пустой ушат Сестренка дольше всех суетится:

- Я маленькая, меня скоро съедят буки-то. По Уйме-реке лес. Там орды боялись. Слыхали, что охотники орду находят, а какая она, не видали.

Ягоды поспеют – отправимся в лес по морошку. Людно малых идет. Вдали увидим пень сажени полторы, как мужик в тулупе.

- Ребята! Эвон де орда-та!

Испугаемся, домой полетим. А орда вся-та с фунт, вся-та с векшу, пестрая.

Орда не покажется людям, только собаки находят.

Конец зимы уемляне все у корабельного, у пароходного ремонта. Мелкие с утра одни дома. Мы в Ульяновкиной избе все и гостим, куча ребят трех – шести лет. Что у старших видели, то и мы: песни поем, свадьбы рядим – смотренье, рукобитье, пониманье. Девчонки у матерей с кринок наснимают, ходят, кланяются, угощают, – честь честью, как на свадьбе, а на дворе пост великий... И тут увидит из соседей старик ли, старуха – с розгой к нам треплют... Ведь пост! Беда, если песни да скоромное!.. Мы опять кто куда – в подпечек, на полати, под крыльцо. Час-два там сидим.

Эти отдельные картинки раннего моего детства мне позже мама и тетка рассказывали. Ну, что попозже творилось, сам помню.

Ко всему, что глаз видит и ухо слышит, были у нас, у ребят, присказки да припевки. И к дождю, и к солнцу, и к ветру, и к снегу, и к зиме, и ко всякой ползучей букашке, и летучей птице.

Вот, к примеру, в зимние вечера, перед ночлегом, летают над городом стаи ворон. Ребята и приправят кричать:

- У задней-то вороны пуля горит! Пуля горит!..

Мы уверены были, что именно эти наши слова производят среди ворон суматоху, так как ни одна не хочет лететь задней.

Отец рисовать был мастер и написал мне азбуку, целую книжку.

В азбуке опять корабли, и пароходы, и рыбы, и птицы – все разрисовано красками и золотом. К азбуке указочка была костяная резная. Грамоте больше учила мама. Букву А называла "аз", букву Б – "буки", В – "веди", Г – "глаголь", Д – "добро". Чтоб я скорее запомнил, шутя говорила, что начертанья А и Б похожи на жучков, буква В – будто таракан, Г – крик.

Для памяти я декламирую:

Аз, буки – букашки,
Веди – таракашки,
Глаголь-крючки,
Добро – ящички.

И другие стишки про буквы:

Ер (ъ) еры (ы) – упал с горы.
Ер, ять (ять) – некому поднять.
Ер, Ю – сам встаю.
А и Б сидели на трубе.

Азбуку мне отец подарил к Новому году, поэтому в начале было написано стихами:

Поздравляю тебя, сын, с Новым годом!
Живи счастливо да учись.
Ученый водит,
Неученый следом ходит.
Рано, весело вставай -
Заря счастье кует
Ходи вправо,
Гляди bravo.
Кто помоложе,
С того ответ подороже.
Будь, сын, отца храбрее,
Матери добрее.
Живи с людьми дружно.
Дружно не грузно.
А врозь – хоть брось!

Отец, бывало, скажет:

- Выучишься – ума прибудет!

Я таким недовольным тоном:

- Куда с умом-то?

- А жизнь лучше будет.

Весной выученное за зиму бегали писать на гладком береговом песке.

В городе я поступил в школу, уже хорошо умея читать и писать.

Больше всего успевал я, учась, в языках, совсем не давалась математика; из-за нее не любил я школы, бился зиму, как муха в паутине. Жизнь была сама по себе, а наша школа сама по себе. Город наш стоял у моря, а ни о Севере, ни о родном крае, ни о море никогда мы в школе не слышали. А для меня это всегда было самое интересное.

С ребятами сидим на пристанях, встречаем, провожаем приходящие, уходящие суда да поем:

У папы лодку попросил,
Папа пальцем погрозил:
- Вот те лодка с веслами,
Мал гулять с матросами!..

Или еще:

Пойду на берег морской,
Сяду под кусточек.
Пароход идет с треской,
Подает свисточек.

Насколько казенная наука от меня отпрядывала, настолько в море все, что я видел и слышал,
льнуло ко мне, как смола к доске.

***

mir-knigi.org